

Е.А. Нарочницкая

«Кризис беженцев» и иммиграционный вопрос в Европе

Аннотация. Большинство стран Евросоюза уже несколько десятилетий являются ареной массовой иммиграции и на официальном уровне в целом они приветствуют этот процесс, стараясь его регулировать. При этом в европейских обществах давно зреет глубокий внутренний раскол по отношению к иммиграции. «Кризис беженцев» проявляет и обостряет эти противоречия, а также вносит качественные изменения в другие аспекты иммиграционной проблематики.

Abstract. Most the EU countries have been receiving large numbers of immigrants for several decades. According to official dogma, immigration is an essentially positive process which nevertheless requires efforts to manage its scale and patterns. As for European societies, they seem to have been deeply divided with regard to immigration policies. The «refugee crisis» reveals and exacerbates these divisions within Europe, while modifying significantly some other aspects of the immigration issue.

Ключевые слова: иммиграция в Европу, европейский миграционный кризис, кризис беженцев, иммиграционизм, нелегальная иммиграция, нелегалы, иммиграционная политика.

Keywords: immigration to Europe, European migrant crisis, European refugee crisis, immigrationism, illegal immigration, immigration policy.

Вот уже второй год одной из главных тем европейской повестки дня остается «кризис беженцев», или «миграционный

кризис». В дополнение к обычной регулярной иммиграции в Евросоюз хлынули миллионы беженцев и претендующих на такой статус нелегальных мигрантов с Ближнего Востока и из Африки.

Появление где бы то ни было столь внушительной массы людей, которые независимо от дальнейших решений относительно их будущего, нуждаются в обустройстве и временном содержании, само по себе является колоссальной проблемой. Власти европейских государств вынуждены решать целый комплекс безотлагательных практических проблем: организационных, финансовых, кадровых, юридических, моральных, политических, социальных, санитарных и т.д. В отдельных местах и в отдельные моменты эти проблемы на территории ЕС достигали такой остроты, что в Европе стали говорить даже о «миграционном коллапсе».

Все это – верхний пласт кризиса, и он широко освещается в СМИ. Но есть еще и иной, более значимый пласт. В современной европейской действительности «кризис беженцев» далеко не ограничивается непосредственными трудностями и сопутствующей им напряженностью. Анализировать его содержание надо в более глубоком и широком ракурсе. Можно назвать как минимум пять сфер, где ситуация с беженцами резонирует с другими «большими вопросами» и существенно меняет либо может изменить общий расклад. Это: иммиграция в целом, со всеми ее аспектами; европейская интеграция; внешняя политика; безопасность; внутриполитический баланс сил. В данной статье мы сосредоточимся в первую очередь на значении «кризиса беженцев» в рамках иммиграционной проблематики Европы.

Большинство стран ЕС уже полвека являются ареной массовой иммиграции и на официальном уровне в целом власти приветствуют этот процесс, стараясь его регулировать, но не сдерживать в принципе. Гораздо больше сдерживается публичная дискуссия вокруг такого курса и его долгосрочных последствий. Догма, согласно которой иммиграция неизбежна и несет благо, считается непререкаемой – этот подход французский социолог П.-А. Тагиефф емко охарактеризовал как «иммиграционизм» [Taguieff, 2006].

Из политического дискурса критика основ иммиграционной стратегии вытеснена в маргинальную нишу с 1980-х годов. До по-

следнего времени с ней решались выступать лишь несистемные партии и политики, именуемые (иногда главным образом на этом основании) крайне правыми. Тем не менее в европейских обществах давно зреет полулатентный, но фундаментальный внутренний раскол по отношению к иммиграции, и он проявляется как часть более широкого идеально-ценостного раскола. Иммиграционный вопрос начинает играть все более заметную роль во внутриполитической конкуренции. Поток беженцев и мигрантов из нескольких регионов Юга, захлестнувший Европу в последние два года, вносит в эту ситуацию качественно новые элементы.

Но сначала имеет смысл уточнить количественные параметры происходящего. По подсчетам статистической службы Eurostat, в 2015 г. в 28 странах ЕС было подано 1 млн 255,6 тыс. заявлений на предоставление убежища и международной защиты [Record number.., 2016]. Это более чем вдвое превышает показатель 2014 г. и почти в пять раз – показатель 2010 г. [The number.., 2011].

Однако даже эта впечатляющая статистика не вполне отражает масштаб событий. Далеко не все люди, проникшие без виз на территорию Евросоюза, подали документы на статус беженца. На Германию, согласно упомянутому докладу Eurostat, в 2015 г. пришлось всего 441,8 тыс. таких прошений [Record number.., 2016]. Между тем, по данным Федерального ведомства по вопросам миграции и беженцев, в немецких центрах первичного приема беженцев в 2015 г. было зарегистрировано более 1 млн человек [Миграционный кризис.., 2016]. Пограничная служба ЕС Frontex сообщала о 1,8 млн человек, пересекших границы Евросоюза в 2015 г. [Record number.., 2016]. В репортажах СМИ неоднократно сообщалось о случаях, когда мигранты упорно отказывались от перевода из временных лагерей в более благоустроенные центры, чтобы не проходить полную процедуру регистрации и заполнения документов. Кроме того, по неофициальным признаниям представителей германских спецслужб, примерно 200 тыс. первично зарегистрированных беженцев «исчезли» и об их местонахождении ничего не известно.

Сопоставляя разные данные, трудно не увидеть, что реальное число «нерегулярных» мигрантов, прибывших в Европу в 2015 г.,

заведомо превышает обнародованное число просителей убежища. С высокой вероятностью речь может идти о 1,8–2 млн человек. Важно также иметь в виду, что эти цифры не включают «регулярных» мигрантов, въезжающих по легальным каналам семейной и трудовой миграции.

Спада этой беспрецедентной для Европы волны пока не просматривается. Евросоюз предвидит прибытие до конца 2016 г. еще около 3 млн человек [Cook, 2015]. Германия, по оценке премьер-министра Нижней Саксонии Ш. Вайля, в 2016 г. следует ожидать двукратного увеличения числа просителей убежища – до 2 млн человек. Со своей стороны, министр обороны Франции Ж.-И. Ле Дриан в марте 2016 г. подтвердил, что в Ливии скопилось 800 тыс. африканцев, ждущих лишь возможности пересечь Средиземное море [Selon Le Drian., 2016].

В Европе все меньше верят в скорое разрешение ситуации. В сентябре 2015 г. примерно каждый пятый житель Франции и Германии считал, что через несколько месяцев она вернется в прежнее русло. К марта 2016 г. таких осталось всего 7% во Франции и 11% в Германии. По мнению 30–40% опрошенных, «кризис беженцев» останется на уровне 2015 г. в течение как минимум года-двух. Еще больше респондентов – 48% французов, 42 – немцев и 60% итальянцев – полагают, что он продлится не менее трех-четырех лет или даже дольше [Les Européens et la crise., 2016, p. 35].

Каким же образом эта беспрецедентная ситуация трансформирует иммиграционные процессы на территории Евросоюза? Что она знаменует и какие уроки преподносит?

Будет ли падать миграционное давление на Европу?

Хлынувшая с 2014 г. лавина соискателей убежища в ЕС прежде всего подрывает утверждавшиеся представления о дальнейших трендах миграции на европейский континент. По оценкам ООН, миграционный прирост населения развитых стран достиг абсолютного максимума в 2000–2005 гг. (в ЕС он составлял 1,5 млн человек в год), после чего приобрел тенденцию к медленному, но неуклонному снижению – вплоть до нулевой отметки к концу нынешнего столетия. На ближайшие полтора десятилетия приток

иммигрантов в Европу прогнозировался примерно на уровне 1 млн человек в год [International migration report., 2011].

Убеждение в том, что пик миграционного давления на Европу уже пройден, широко распространилось и в научно-экспертной, и в административно-политической среде. Помимо статистических выкладок оно логически выводится из макротенденций в структуре мировой экономики. Как пояснял, например, директор Центра миграционных исследований Варшавского университета Марек Окольски, с появлением новых центров экономического роста, притягательных для мигрантов, можно ожидать «перераспределения мирового миграционного потенциала среди растущего числа стран» [Окольски, 2001, с. 52–53]. А французский политик Эрве де Шаретт, неоднократно занимавший министерские посты, сходным образом аргументировал более решительный вывод: «Проблема иммигрантов у нас [во Франции] уже скорее позади» [La France et ses immigrés., 2015].

Однако миграция, как известно специалистам, – самое уязвимое звено демографических прогнозов. Теории, сконцентрированные на экономических факторах, в этой сфере часто не срабатывают, так же как и другие монокаузальные схемы. Это отчетливо показал экономический кризис 2008–2013 гг., когда число иммигрантов в ЕС продолжало расти, причем вне связи с различиями в экономической конъюнктуре, а в ряде государств это происходило даже быстрее, чем в предыдущие годы динамичного экономического развития [Нарочницкая, 2013]. Теперь уязвимость узкоэкономических теорий миграции вновь подтверждают события с беженцами.

Точнее, они показывают возможность непрогнозированного лавинообразного увеличения миграционного притока, и не только за счет собственно беженцев (о составе беженцев и иммигрантов, пересекающих границу, еще будет сказано ниже). Разумеется, отдельный скачок сам по себе не ломает генеральную тенденцию. Но нельзя исключать ни повторения подобных скачков, ни развития уже в ближайшие годы цепной реакции. Вероятность именно такого эффекта нынешней волны заботит многих европейцев. 79% французов, 77 – итальянцев и 69% немцев в той или иной мере раз-

деляют мнение, что, «если принять большое число мигрантов в данной стране и в Европе в целом, это создаст эффект втягивания и побудит ехать в Европу очень большие массы жителей Африки, Сирии, Ирака и Афганистана» [Les Européens et la crise., 2016, р. 9]. Как бы то ни было, будущие масштаб и темп иммиграции на европейский континент отныне выглядят гораздо менее предсказуемыми, чем считалось до сих пор.

Беженцы и нелегалы

Европейский кризис знаменует важные изменения, связанные с векторами потоков беженцев из горячих точек и моделями их миграционного поведения. Напомним, что «беженец» и «вынужденно перемещенное лицо» – это особая категория и особый международно-правовой статус, определенный Женевской конвенцией 1951 г. Статус беженца предполагает явную вынужденность миграции и значительно большие права, чем статус мигранта, тем более нелегального.

Еще в конце ХХ в. демографы заметили, что «современные внутренние конфликты создают гораздо более значительные по масштабам волны беженцев, чем это было в прошлом, включая в себя беженцев, которые не обязательно ищут убежища в ближайших безопасных странах, но все чаще и чаще ставят целью своего назначения страны с хорошо организованными миграционными сетями или те страны, в которых можно рассчитывать на наиболее благоприятные условия защиты и существования вне зависимости от того, сколь далеко они расположены». Причем «после относительно короткого времени значительная (если не большая) часть лиц, ищущих убежище, и лиц, которым предоставлена временная защита, превращаются из иммигрантов де-факто в иммигрантов де-юре» [Окольски, 2001, с. 47, 50].

И все же главные направления собственно миграции и потоков беженцев до сих пор расходились. Подавляющее большинство беженцев по-прежнему концентрировалось не в богатых демократических странах Севера, куда массово стремились мигранты, а в странах Юга, сопредельных с зонами конфликтов. Всего 6% от об-

щего числа беженцев в мире находилось (по состоянию на конец 2014 г.) на территории ЕС [Oriol, 2015].

С миллионами беженцев Западная Европа после Второй мировой войны столкнулась лишь в 1990-х годах. Но тогда ситуация существенно отличалась от нынешней и количественно, и качественно. Максимальный приток, зарегистрированный в 1993 г., составил 554 тыс. человек, а преобладали в нем соседи-европейцы, и в первую очередь граждане охваченной военными действиями Югославии [Окольски, 2001, с. 49].

Дестабилизация Ближнего Востока, прогрессирующая с начала века, и новый общий рост числа беженцев в мире, который наблюдается с 2011 г., поначалу мало ощущались в Европе. На заре «арабской весны» отдельные политики и эксперты, в частности в Италии и Франции, пытались привлечь внимание к опасности хаоса в Южном Средиземноморье и массового исхода беженцев. Но тема диссонировала с курсом на поддержку «арабских революций» и быстро исчезла из публичных дискуссий. Показательное исследование было подготовлено к концу 2012 г. в Центре Робера Шумана при Европейском институте – учреждении Евросоюза. В нем на основе последней статистики демонстрировалось, что эмиграционные волны, поднятые гражданскими войнами в Ливии и Сирии, практически полностью обошли Европу стороной. Анализ завершался выводом: «арабские волнения не вызвали никаких изменений в уже имевшихся трендах легальной миграции в Европу» и лишь незначительно подстегнули нелегальную иммиграцию [Fargues, Fandrich, 2012]. Изменения, однако, вскоре наступили, а с конца 2014 г. приняли лавинообразный характер.

Европейский миграционный кризис отчасти отражает нарастание нестабильности в мире в целом и на Ближнем Востоке в частности, но поток беженцев в Европу не пропорционален общему росту их числа, а выражен гораздо резче. Произошло смещение векторов массового исхода из конфликтных регионов (в том числе из лагерей беженцев) в европейском направлении. К уже имевшимся средиземноморским маршрутам и каналам нелегального попадания в ЕС добавился сухопутный балканский, вышедший наряду с восточносредиземноморским на первое место.

При этом география происхождения беженцев, стекающихся к границам ЕС, разнообразна сегодня как никогда. Она включает Сирию, Афганистан, Ирак, большую группу африканских стран и другие зоны. Это – важное отличие нынешнего европейского кризиса от всех предыдущих волн гуманитарной миграции. Прежде источником подъема волны в каждом случае была конкретная горячая точка, такая, например, как Вьетнам в конце 1970-х или Балканы в начале 1990-х годов. Теперь Европа имеет дело с эмиграционным выбросом из многих кризисных зон. Европейский «кризис беженцев» – это множественный, комплексный кризис, связанный с процессами в различных регионах, с целым рядом затяжных конфликтов и сразу с несколькими маршрутами регулярного притока десятков и сотен тысяч людей. В таком формате проблема беженцев прежде не вставала ни перед кем.

Хлынувший в Евросоюз людской поток представляет собой новое явление еще в одном отношении. Это – амальгама двух принципиально разных компонентов: собственно беженцев и мигрантов, причем амальгама во многом беспрецедентная. Все, кто штурмует границы ЕС либо нелегально пересекает их, заявляют о себе как о беженцах или о вынужденных переселенцах, ищущих убежища. Однако далеко не все из них отвечают критериям предоставления этого статуса с точки зрения международного права и сложившейся практики. (Значительная часть из них не имеет документов, часть – использует фальшивые сирийские паспорта, многие происходят из районов или стран, где отсутствуют вооруженные конфликты, где нет угрозы жизни и свободе.) Не случайно происходящее получило двойное наименование: «кризис беженцев» или «миграционный кризис». И за этой двусмысленностью стоит очень серьезное содержание.

В европейских обществах вопрос о том, кем являются прибывающие люди, вызывает острые разногласия. В Италии более 40% граждан видят в прибывающих «искателей убежища, бегущих от войны или преследований в своих странах», и практически столько же итальянцев считают их скорее «экономическими мигрантами, ищущими в Европе лучших условий жизни». Во Франции же и в Германии опросы показывают явный перевес (от 51 до 60%) первой

точки зрения над второй (от 28 до 35%) [Les Européens et la crise.., 2016, p. 31]. Разумеется, в самой ситуации, когда мигранты претендуют на статус беженцев, ничего нового нет. Давно известно, что на Западе значительная часть так называемого гуманитарного потока «по сути являются мигрантами, которые предпочитают оказаться в преуспевающих странах и для которых «канал поиска убежища» является попросту наиболее простым (если не единственным возможным) способом проникновения туда» [Окольски, 2001, с. 50–51]. Как правило, государства ЕС удовлетворяли в среднем не более четверти обращений за защитой и убежищем. А полный статус беженца, например в 2011 г., там получили всего 12% заявителей [The number.., 2012].

Теперь эта проблема приняла несопоставимый масштаб. Но изменились отнюдь не только количественные параметры. Механизмы возникновения нынешнего кризиса, связанные с ним драматические ситуации, медийное и общественное внимание, накал дискуссий, противоречивые интерпретации – все это выводит ее на иной уровень.

Мигранты, без виз прибывающие к границам ЕС, в массовом порядке заявляют о себе как о беженцах, физически смешиваются с беженцами и априори рассматриваются таковыми. На них автоматически распространяются эмоциональное сострадание и морально-правовой долг помощи, а эти два фактора определяют подход к беженцам. И даже если в ходе рассмотрения многих заявлений европейские власти признают отсутствие оснований для предоставления убежища и легального пребывания в ЕС их подателям, экстрадировать сотни тысяч и тем более миллионы людей будет крайне проблематично и в моральном, и в практическом плане.

В результате грань между беженцем и мигрантом, причем нелегальным, оказывается серьезно поколебленной. Более того, она настойчивее, чем когда-либо, оспаривается в принципе в идеологическом плане. Призывы отказаться от подобной дифференциации, признав беженцами выходцев из бедных стран, раздаются регулярно.

Между тем в наплыве беженцев-мигрантов на европейскую территорию широко задействованы криминальный бизнес и дру-

гие теневые структуры. Социальные сети наполнены рекламой их услуг, известны расценки и схемы маршрутов. Не составляет секрета существование рынка фальшивых сирийских паспортов. Есть немало данных о вовлеченности исламистских сил в организацию и финансирование миграции. С этой точки зрения нынешний «кризис беженцев» демонстрирует в том числе качественно новую ступень в развитии транснациональных сетей нелегального миграционного трафика. Раньше основную массу нелегалов в ЕС составляли те, кто, легально въехав в Евросоюз, незаконно оставался там после истечения срока действия виз. Теперь главным каналом стало незаконное пересечение границы вместе с беженцами и в качестве таковых.

Таким образом нелегализованная иммиграция – а борьба с ней до сих пор считалась краеугольным направлением усилий Евросоюза в этой сфере – получает новый размах, а также новый открытый наступательный формат, при котором поставить ей заслон становится архисложно, если вообще возможно. Под сомнением оказываются само понятие нелегальной иммиграции, право и возможность контролировать границы.

Моральный аспект и его инструментализация

С дилеммой «беженцы или нелегалы» тесно связан гуманистический аспект, который сегодня оказался в центре иммиграционного дискурса.

Идеология «иммиграционизма» и раньше отчасти апеллировала к моральным аргументам: правам человека, идеалу равенства, колониальной вине европейских народов, императиву помощи бедным и менее развитым. И все же этим элементам отводилась вспомогательная роль, главным обоснованием иммиграции был тезис о безусловной потребности современной Европы в импорте трудовых ресурсов. Звучит он и сегодня, особенно когда речь идет о сирийских беженцах, которые в массе своей относятся к образованному среднему классу. Так, некоторые исследователи, например Доменик Давид и Ханс Старк из Французского института международных отношений, объясняют позицию канцлера А. Меркель рекордно низкой рождаемостью в Германии и заинтересованно-

стью немецкого патроната в квалифицированных кадрах из Сирии [David, Stark, 2015].

Однако в целом подход, аксиоматически связывающий экономический прогресс Европы с иммиграцией, в последние полтора десятилетия выглядит все более сомнительным. Достаточно изучить структуру иммиграционных потоков в ЕС, чтобы увидеть: они все меньше соответствуют экономическим потребностям принимающих стран. Преобладает не трудовая, а семейная иммиграция (ее доля достигает 75%); значительная часть иммигрантов (в Южной Европе – более 40–50%) имеет в лучшем случае начальное образование; миллионы иммигрантов трудоспособного возраста пополняют экономически неактивную часть населения (подробнее см.: [Нарочницкая, 2013]). Постоянное привлечение избыточной дешевой рабочей силы из-за рубежа негативно сказывается на производительности труда, модернизации и технологическом уровне европейской экономики. И это все больше осознается европейцами, об этом начинают открыто говорить и писать. На таком фоне частичный перенос центра тяжести на моральные доводы в пользу иммиграции особенно значим.

Когда речь заходит о людях, спасающихся от гражданской войны, внешней интервенции или террора исламских фанатиков, естественным образом включаются механизмы эмпатии, сочувствия и солидарности. Большинство западных европейцев (56% французов, 72 – немцев и 69% итальянцев) считают долгом «принять мигрантов, которые бегут от войны и нищеты» [Les Européens et la crise., 2016, p. 9]. Одновременно 88% французов, 81 – немцев и 83% итальянцев хотят, чтобы беженцы не остались навсегда в Европе, а через несколько месяцев или лет возвратились к себе на родину [Ibid., p. 39].

Но сегодняшние беженцы-мигранты, которые добираются издалека, иногда с риском для жизни, и платят тысячи, а чаще десятки тысяч евро за нелегальный транзит на территорию Евросоюза, делают это как раз в расчете на то, чтобы остаться и перевезти в Европу родственников. И это вполне очевидно. Еврокомиссар Пьер Московичи призвал европейцев понять и принять это: «Беженец прибывает не для того, чтобы уехать! Мой отец был беженцем, ко-

гда приехал во Францию....» (цит. по: [Noé, Hanne, Raufer, 2015, р. 92]).

Моральный долг в отношении беженцев неоспорим, как и вытекающая из международного права обязанность предоставить им помощь. Вопрос в том, что предполагает этот двойной долг в нынешней ситуации. Комментируя эту тему, епископ Фрежюский и Тулонский монсеньер Рей отметил: «Наш христианский долг – в ситуации гуманитарной катастрофы проявить сочувствие и мобилизовать усилия, чтобы оказать действенную помощь... Однако есть точка равновесия, которую предстоит найти. Разум требует от нас искать решения, состоятельные в долгосрочном плане. Границы по-прежнему имеют определяющее значение для регулирования миграционных потоков и сохранения богатства наших идентичностей» [Rey, 2016]. Большинство европейцев, судя по опросам, воспринимают эту дилемму в том же ключе, четко разделяя моральную оценку проблемы беженцев и миграции в целом.

Между тем моральный эффект сочувствия к беженцам широко эксплуатируется в качестве инструмента, с помощью которого формируется определенный образ событий и продвигаются определенные идеи и позиции. Происходящее представляется главным образом как «кризис беженцев», а не как многоаспектный иммиграционный кризис. Глубинный смысл именования всех нелегальных мигрантов беженцами в том и состоит, чтобы на концептуальном уровне распространить моральное обязательство приема на всех. Встречается еще более узкая и политизированная версия, согласно которой речь идет о беженцах, «спасающихся от диктатуры Башара Асада», – именно так определяют проблему глава французского филиала Human Rights Watch и другие борцы за права человека.

В фокусе многих «мейнстримных» массмедиа находится именно то, что взвывает к моральной солидарности и работает на открытие границ: трагические случаи гибели мигрантов в море, фотография утонувшего курдского мальчика. При этом они стараются избегать сюжетов, привлекающих внимание к иным аспектам, таким как преступность внутри и вокруг лагерей мигрантов, преобладание среди беженцев молодых мужчин, отсутствие у мно-

гих беженцев подлинных документов. Не обсуждаются ни внешне-политическая роль Европы в дестабилизации Ближнего Востока, ни негативные последствия эмиграции среднего класса для будущего стран исхода. Показательно, что о серии нападений мигрантов на женщин в Кёльне и других немецких и австрийских городах ведущие СМИ сообщили с явным запозданием.

Впрочем, ангажированность и инструментализация отдельных элементов свойственны и противоположной стороне напряженных споров, которые ведутся вокруг темы беженцев. В целом в европейском информационном поле представлен обширный массив фактов и точек зрения на ее разные аспекты. Но такая картина складывается в совокупности и требует специального мониторинга и анализа.

Европейский раскол

Социологические исследования и электоральные успехи несистемных партий давно показывают растущее несогласие населения с проводимым иммиграционным курсом в европейских странах. Получившее громкий резонанс признание «краха мультикультурализма» несколькими ведущими европейскими лидерами в 2010–2011 гг. отвечало этим настроениям. Однако значимых изменений в политике иммиграции оно не повлекло, а лишь немного ослабило табу на обсуждение ее отдельных аспектов. Глубинное размежевание по этой фундаментальной для современной Европы проблеме продолжилось.

«Кризис беженцев» стал крупной вехой на этом пути, поэтому связанные с ним события приковывают к себе всеобщее внимание даже там, где число беженцев относительно невелико, как, например, во Франции. И именно поэтому они вызывают бурные реакции и напряженность, от которой Европа почти отвыкла.

Вопрос о том, что делать с потоком дополнительных беженцев-мигрантов, не только выявляет уже существовавший раскол в отношении иммиграции, но и обостряет и углубляет его. Рельефнее проступают различные линии противоречий, их градации и нюансы. Вполне вероятными становятся переоценка отдельных позиций и изменение их общего баланса.

Основная линия раскола проходит между политически доминирующими элитами и подавляющим большинством европейцев, хотя конкретный расклад сил в разных странах, разумеется, имеет свою специфику.

Выбор А. Меркель в пользу массового приема беженцев и ее аргументация вписываются в логику «иммиграционизма» и соответствуют почти всем установкам давно проводимого курса. Исключением стала борьба с нелегальной иммиграцией, основы которой, как было показано выше, оказались в итоге изрядно подорванными. Таким образом, канцлер Германии и неформальный лидер ЕС подтвердила намерение продолжать политику поощрения иммиграционного притока, но только в больших масштабах и ускоренном темпе.

Этот выбор, так или иначе принятый остальными правительствами ЕС, вдохновлялся и поддерживался Комиссией ЕС, а также немецким и европейским патронатом. Свою поддержку публично высказали, в частности, глава федерального Союза германской промышленности Ульрих Грилло и президент Союза работодателей Франции (MEDEF) Пьер Гаттаз, подчеркнувши, что прием большего числа мигрантов послужит росту и процветанию экономики [Noé, Hanne, Raufer, 2015, p. 92–94].

Наиболее твердые идеинные сторонники глобального рынка и новой «мультикультурной Европы» идут в возникшей ситуации еще дальше. Готовится почва для постепенной дальнейшей либерализации иммиграционного режима на уровне структур Евросоюза. К его реформированию призвал, например, Ги Верхофстадт, руководитель группы Альянса либералов и демократов за Европу в Европарламенте. Со своей стороны, Комиссия ЕС в апреле 2016 г. уже внесла на рассмотрение проект реформы системы предоставления убежища, который предполагает механизм обязательного распределения соискателей убежища между странами – членами ЕС, а следовательно, ликвидацию национальных компетенций в этом вопросе.

На низовом уровне активизировались разнообразные неправительственные организации и движения глобалистского направления – от респектабельных либеральных фондов Открытого об-

щества до леворадикальных сетей типа «No Border» («Без границ») и «No One Is Illegal» («Нелегалов нет»), устраивающих громкие акции за снятие барьеров для миграции.

Большинство европейцев, судя по многим признакам, не разделяют либо далеко не полностью разделяют ключевые идеи «иммиграционизма», хотя они уже около 20 лет доминируют в официальном и публичном дискурсе, в социальных науках и образовании. Всего четверть французов и треть итальянцев готовы согласиться с тем, что «прием мигрантов – шанс, которым надо воспользоваться, потому что это позволит стимулировать экономику». Не выше и доля тех, кто считает, что у их страны «есть экономические и финансовые возможности принять мигрантов» (28% во Франции и 24% в Италии, по данным на март 2016 г.) [Les Européens et la crise.., 2016, p. 9]. Относительным исключением выглядит Германия с ее особой послевоенной политической культурой и ментальностью. Здесь уровень поддержки официальной идеологии иммиграции и политики приема заметно выше, даже несмотря на то что с осени 2015 г. общая тенденция к его снижению фиксируется и среди немцев.

Население стран ЕС дезориентировано и встревожено неконтролируемым наплывом беженцев и нелегалов, а также неспособностью национальных и европейских властей справиться с оперативным управлением ситуацией. Красноречивой реакцией становятся укрепление антииммигрантских партий, рост евроскептицизма и разочарование в шенгенском режиме, за отмену которого в марте 2016 г. высказывались, по данным ИФОП, 60% итальянцев, 72 – французов и 66% немцев [Ibid., p. 43].

Тем не менее все европейские общества и сами внутренне не едины в отношении иммиграции вообще и ее нынешней волны в частности. Эта линия раскола так или иначе проходит сверху вниз, сквозь все социальные слои, и слева направо, сквозь почти весь партийно-идеологический спектр (деля его, правда, весьма асимметрично). В каждой стране есть часть населения, проникнутая «иммиграционистскими» убеждениями в либеральном, леволиберальном и леворадикальном вариантах. Повсюду находятся волонтеры и структуры, организующие их работу в центрах содержания бежен-

цев, проходят манифестации и кампании как против, так и в поддержку политики «открытых дверей».

Во многих европейских городах ситуация с мигрантами и их лагерями периодически вызывает такую напряженность и накал разногласий, что аналитики пишут о «разрыве социальной ткани» европейского общества (см. напр.: [Noé, Hanne, Raufer, 2015]).

Расхождения по иммиграционному вопросу, тем более по конкретной повестке «кризиса беженцев», обнаруживаются и среди национальной администрации разного уровня, политического класса, бизнес-кругов. С неодобрением своей позиции А. Меркель пришлось столкнуться в рядах собственной партии и еще больше – ее баварского аналога ХСС. В правоконсервативной Баварии жесткая критика в адрес канцлера, вплоть до угроз подать в суд, раздавалась даже на уровне земельного правительства. Осенью 2015 г. проявились трещины разногласий в немецком бизнес-сообществе. С предостережениями против «эйфории» и «иллюзий» по поводу приема беженцев выступил, в частности, президент Союза немецкой строительной промышленности Михаэль Книппер. Многие главы региональных и местных властей в Германии, Австрии, Италии бойкотировали решения, связанные с политикой приема беженцев.

Наконец, «кризис беженцев» проявил и актуализировал еще одну линию раскола в отношении иммиграции, пролегающую между Западом и Востоком Европы. В обсуждение иммиграционной повестки фактически впервые включились восточноевропейские страны ЕС, и их голос заметно диссонирует с позицией западного «мейнстрима» и брюссельской бюрократии. Общественное мнение Венгрии, Чехии, Словакии, Латвии и других государств ЦВЕ на 70–80% смотрит на политику «открытых дверей» неодобрительно, а их политическое руководство совершенно не настроено брать на себя часть бремени по приему искателей убежища [Oriol, 2015].

Влияние «кризиса беженцев» на иммиграционную сферу далеко не ограничивается затронутыми аспектами и продолжает раскрываться по мере развития событий. Тем не менее проведенный анализ дает уже достаточно оснований считать 2015 г. рубежом, открывающим новую стадию в иммиграционной истории Европы.

Список литературы

Миграционный кризис в Европе в цифрах и графиках // BBC: Русская служба. – L., 2016. – 19.02. – Mode of access: http://www.bbc.com/russian/international/2016/02/160219_migrant_crisis_charts (Дата обращения – 06.05.2016).

Нарочницкая Е.А. Иммиграционные потоки в Европу, экономический кризис и некоторые вопросы теории миграции // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 4: Иммиграционные процессы в Европе в условиях экономического кризиса. – С. 10–38.

Окольски М. Миграционное давление на Европу // Вынужденная миграция / МГУ. Эконом. фак.; Гл. ред. В.А. Ионцев. – М.: МАКС-Пресс, 2001. – Вып. 6. – С. 46–54. – Режим доступа: <http://demostudy.econ.msu.ru/books/Volume6.pdf> (Дата обращения – 06.05.2016).

Cook L. EU predicts 3 million migrants could arrive by end 2016 // Associated Press. – Brussels, 2015. – 05.11. – Mode of access: <http://bigstory.ap.org/article/3f19f30f81784982a74900bda8d5e732/eu-predicts-3-million-more-migrants-could-arrive-end-2016> (Дата обращения – 06.05.2016).

David D., Stark H. Crise des réfugiés et des migrants: Quelques leçons pour les Européens // Actuelles de l'IFRI. – P., 2015. – 17.09. – 4 p. – Mode of access: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/actuelles_migrations_dd_hs_170915.pdf (Дата обращения – 06.05.2016).

Fargues Ph., Fandrich Ch. Migration after the Arab Spring: MPC Research report / European univ. institute; Migration policy Centre; Robert Schuman Centre for advanced studies. – San Domenico di Fiesole, 2012. – N 2012/09. – 22 p. – Mode of access: <http://www.migrationpolicycentre.eu/docs/MPC%202012%20EN%2009.pdf> (Дата обращения – 06.05.2016).

International migration report 2009: A Global assessment / UN. Department of economic and social affairs. – N.Y., 2011. – December. – ST/ESA/SER.A/316. – 360 p. – Mode of access: http://www.un.org/esa/population/publications/migration/World_Migration_Report_2009.pdf (Дата обращения – 06.05.2016).

La France et ses immigrés: Documentaire / Les Poissons Volants avec la participation de France Télévisions; Prod. S. Goupil // YouTube. – 2015. – 01.11. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=s_3ERa6ICkY (Дата обращения – 06.05.2016).

Les Européens et la crise des migrants / IFOP pour la Fondation Jean-Jaurès. – 2016. – Mars. – 46 p. – Mode of access: http://www.ifop.com/media/poll/3343-1-study_file.pdf (Дата обращения – 06.05.2016).

Noé J.-B., Hanne O., Raufer X. Le défi migratoire: L'Europe ébranlée. – P.: Bernard Giovanangeli, 2015. – 172 p.

Oriol P. Immigration et Union Européenne: La crise migratoire // AgoraVox. - P., 2015. - 22.10. - Mode of access: <http://www.agoravox.fr/tribune-libre/article/immigration-et-union-europeenne-la-173207> (Дата обращения - 06.05.2016).

Record number of over 1.2 million first time asylum seekers registered in 2015 / Eurostat. - Luxembourg, 2016. - 04.03. - Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7203832/3-04032016-AP-EN.pdf/790eba01-381c-4163-bcd2-a54959b99ed6> (Дата обращения - 06.05.2016).

Rey D.M.J. Le mystère de Pâques éclaire d'une lumière crue le martyre de la Syrie / Propos recueillis par Anne-Laure Debaecker // Valeurs actuelles. - P., 2016. - 28.03. - Mode of access: <http://www.valeursactuelles.com/le-mystere-de-paques-eclaire-dune-lumiere-crue-le-martyre-de-la-syrie-60407> (Дата обращения - 06.05.2016).

Selon Le Drian, 800 000 migrants stationneraient en Libye pour rejoindre l'Europe // Valeurs actuelles. - P., 2016. - 24.03. - Mode of access: <http://www.valeursactuelles.com/monde/selon-le-drian-800-000-migrants-stationneraient-en-libye-pour-rejoindre-leurope-60431> (Дата обращения - 06.05.2016).

Taguieff P.-A. L'immigrationnisme, ou la dernière utopie des bien-pensants // Le Figaro. - P., 2006. - 09.05. - Mode of access: http://www.lefigaro.fr/debats/2006/05/09/01005-20060509ARTFIG90200-1_immigrationnisme_derniere_utopie_des_bien_pensants.php (Дата обращения - 06.05.2016).

The number of asylum applicants registered in the EU27 rose to 301 000 in 2011 / Eurostat. - Luxembourg, 2012. - 23.03. - Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/5150254/3-23032012-AP-EN.PDF/e6130124-926d-4a1c-90a1-37ed5bc6a50f> (Дата обращения - 18.05.2016).

The number of asylum applicants registered in the EU27 stable around 260 000 in 2010 / Eurostat. - Luxembourg, 2011. - 29.03. - Mode of access: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/5035286/3-29032011-AP-EN.PDF/23e65d28-d7c6-44f5-a250-ed142f78e0ff> (Дата обращения - 18.05.2016).